

RU

Свобода, долг и нравственность в воззрениях С. И. Гессена и А. В. Вейдемана

Гущин Я. Д.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть значение ключевых для трансцендентальной философии понятий свободы и долга на примере компаративистского анализа идей С. И. Гессена и А. В. Вейдемана. Наследие отечественных философов неизменно затрагивает историко-философский контекст становления русского неокантианства, что в содержании статьи отражено в привлечении новейших исследований в данной области. Научная новизна исследования отражается в рассмотрении понятия свободы в обозначенной С. И. Гессеном корреляции нравственности и произвола, дополненной позицией А. В. Вейдемана, то есть раскрытием свободы посредством рассмотрения соотношения добра и зла. Актуальность сопоставления обусловлена определением значения категории нравственности через корреляцию свободы личности и принципа долженствования.

EN

Freedom, Duty and Morality in S. I. Hessen's and A. V. Veideman's Views

Gushchin Y. D.

Abstract. The study aims to reveal the meaning of the concepts of freedom and duty, which are the key ones in transcendental philosophy, using a comparative analysis of S. I. Hessen's and A. V. Veideman's ideas as an example. The Russian philosophers' heritage consistently addresses historical and philosophical context of the Russian neo-Kantianism formation, which is reflected in the article in involvement of the latest research in this field. Scientific novelty of the work lies in considering the concept of freedom in correlation of morality and arbitrariness, as indicated by S. I. Hessen, supplemented by A. V. Veideman's standpoint, which sheds light on freedom by consideration of relationship between good and evil. Relevance of the comparison is accounted for by defining the meaning of the category of morality through correlation of individual freedom and the principle of duty.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом в научном сообществе к исследованиям С. И. Гессена и в целом к русскому неокантианству, что выражено не только в стремлении к достоверной реконструкции истории русской философии, но и в рефлексии научного потенциала наследия отечественных мыслителей в современных социокультурных условиях.

Задачи исследования: 1) рассмотреть контекст проблематики значения свободы в философии русского неокантианства; 2) раскрыть значение понятия свободы в философии С. И. Гессена с позиции комплексного подхода и историко-философского анализа; 3) рассмотреть корреляцию категории нравственности и необходимости в процессе становления автономии личности; 4) выявить определение понятия свободы в философии А. В. Вейдемана посредством историко-философской реконструкции его исследований и сопоставить полученные результаты с общей интенцией русского неокантианства.

Для раскрытия позиций С. И. Гессена и А. В. Вейдемана используются следующие методы: историко-философский анализ и историко-философская реконструкция. Сопоставление позиций русских неокантианцев производится посредством компаративистского анализа и на основе комплексного и структурного подходов.

Теоретической базой являются труды русских неокантианцев, преимущественно С. И. Гессена и А. В. Вейдемана, а также современные историко-философские и компаративистские исследования [5; 16; 17]. Практическая значимость исследования характеризуется актуализацией историко-философского наследия русской философии, что может служить основанием для расширения и дополнения имеющихся курсов по русской философии XIX–XX веков и отечественной социально-гуманитарной мысли.

Проблематика определения свободы в русском неокантианстве

Сложно охватить всю совокупность рассматриваемых в русском неокантианстве вопросов, но обнаруживаются два объединяющих основания: 1) соблюдение принципов критического анализа и 2) особое внимание к важнейшей части трансцендентального идеализма – вопросу о корреляции свободы и ответственности. Причина актуальности наследия русских неокантианцев в настоящее время объясняется, с одной стороны, отсутствием системных исследований во второй половине XX века, с другой, тем, что русские мыслители затрагивали вопросы всего комплекса социально-гуманитарного знания в согласованности с достижениями естественнонаучных дисциплин. Обладая стремлением к достижению оригинальности собственных позиций, русские мыслители в то же время находились в единстве научной интенции немецкого неокантианства, ориентированного, кроме переосмысления оснований архитектоники И. Канта, также и на критику позитивизма. В трудах С. И. Гессена, Б. А. Фохта, В. Э. Сеземана, А. В. Вейдемана, В. М. Хвостова и многих других отчетливо выражается критика одностороннего примата позитивных наук в единстве научного знания. Не отрицая значения эмпирического знания, то есть не противопоставляя естествознание философии и гуманитарным дисциплинам в целом, русские неокантианцы обозначали невозможность экспериментальной апробации проблематики свободы творчества и свободы человека, целостности знания и мировоззрения, значения духовно-нравственных оснований общества, наличия эстетической ценности, а также всего комплекса моральных и нормативных отношений. Труды С. И. Гессена, в особенности «Правовое государство и социализм» и «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», а также воззрения А. В. Вейдемана отражают специфику поиска русскими философами достоверных оснований свободы, построенных на принципах разума, а не произвола. Проблематика нравственности последовательно выводится из рассуждений о формах и видах свободы, ее проявлениях в индивидуальной и общественной жизни. Если А. В. Вейдеман акцентируется на соотношении добра и зла как проявлений свободы человека, то С. И. Гессен приоритетом ставит вопрос о выявлении свободы из соотношения творческого потенциала личности и общественной нормативности (области права и общественных отношений, в частности из взаимозависимости образования и воспитания).

Несмотря на то, что труды С. И. Гессена достаточно подробно раскрыты в научно-исследовательской литературе [14], остаются открытые и дискуссионные вопросы. К их числу относятся определение значения свободы, роль принципа долженствования, соотношение долга и ответственности, а также моральная прагматика в процессе становления личности. Принимая во внимание новейшие компаративистские исследования наследия русского неокантианства в истории России, можно отчетливо выявить стремление отечественных мыслителей к самостоятельности собственных позиций по отношению к немецкой традиции трансцендентальной философии.

Три контекста определения свободы в философии С. И. Гессена

Философия С. И. Гессена выстраивается на переосмыслении немецкой неокантианской традиции, в особенности теории культурных ценностей Баденской школы, но также и на методологии критического познания Марбургской школы. Если для обозначения роли и функции культурных ценностей русский философ использует положения Г. Риккерта о соотношении генерализирующего и индивидуализирующего подходов, то при определении понимания свободы используется социально-правовая концепция П. Наторпа (о чем свидетельствует содержание работы «Основы педагогики» [7]). Тем не менее, понятие свободы определяется С. И. Гессенным на основании архитектоники И. Канта, актуализированной в реалиях конца XIX – начала XX века. В данном контексте немецкое неокантианство выступает как дополнение к авторской идее свободы, выступающей условием автономии личности и социально-правовой теории.

Методология С. И. Гессена формируется в раннем периоде его исследований под влиянием немецкого неокантианства, однако в содержании статьи «Философия наказания», опубликованной в журнале «Логос» в 1912-1913 годах, обозначается оригинальная точка зрения философа в вопросе соотношения свободы и наказания в контексте раскрытия источника права. Исследовательские подходы немецкого неокантианства дополняются своеобразной интерпретацией соотношения индивидуального подхода к рассмотрению антропологической проблематики и применения генерализирующего метода к вопросам социальной жизни. Философия определяется одновременно «единой» и «множественной», что соотносится посредством критического анализа. Единство философии проявляется в ее объектной области исследования, которая распространяется на все многообразие предметных областей изучения. Множественность проявляется в дуализме интерпретаций относительно предельных вопросов, которые могут быть согласованы посредством критического анализа [9, с. 232]. В дальнейшем развитии проблематики методологических оснований философского поиска С. И. Гессен обозначает корреляцию критического анализа и диалектического метода. Согласно данному подходу, свобода определяется как единство 1) стремлений к самореализации и 2) принципа долженствования. Долг перед самим собой и дисциплина собственного мышления удерживают индивидуальные проявления человека в пределах критической рациональности, но в то же время наличие воли открывает возможность для научного творчества, то есть свободы реализации себя в постижении достоверных оснований бытия [8]. В более позднем творчестве, в частности в философско-педагогических работах, вполне четко обозначается тенденция к регулятивному пониманию воли, разделяющейся на индивидуальную и общую.

Для определения значения свободы следует обратиться к трем составляющим философии С. И. Гессена: методологии научного поиска, педагогическим и дидактическим рассуждениям и социально-правовой проблематике. Соответственно, понятие свободы раскрывается в трех основных коннотациях: 1) формирование достоверных принципов познания (свобода научного творчества и границы разума); 2) свобода и самодисциплина в педагогике и теории воспитания; 3) моральная ответственность и принципиальная непреложность свободы человека.

Нравственные основания свободы и автономии личности

Свобода в качестве процесса становления автономии личности выявляется из педагогической концепции нравственного образования. Разделяя представления гуманистов Нового времени (в особенности идеи Ж.-Ж. Руссо), С. И. Гессен не отделяет воспитание от образования, обозначая их неразрывную целостность. Более того, воспитание и образование всегда сопутствуют саморазвитию человека. Структура образовательного процесса делится на три ключевых стадии: аномия, или беззаконие, гетерономия, или законность, и автономия, или самозаконность [7, с. 89], завершением становится формирование нравственной личности. На первых двух этапах свобода проявляется в негативном определении, то есть выявляется в качестве отрицания методов контроля в воспитании и механизмов принуждения в образовании.

На стадии аномии свобода всецело выступает лишь произволом, однако в человеке наличествует пассивное стремление к моральному закону и нравственности, что и становится причиной перехода к стадии гетерономии. Произвол свойственен человеку до тех пор, пока он не находит в своей жизни оснований к саморазвитию и не осознает законность свободы каждого. Гетерономия сопровождается стремлением человека достичь свободы, но она не становится еще осознанной, так как отсутствие самодисциплины приводит к необходимости постоянного принуждения человека или, в более эффективной форме, – установлению вектора развития со стороны педагога или наставника для самореализации личности. Граница между свободой и принуждением на этапе гетерономии имеет аналогии с идеями И. Канта. У кенигсбергского мыслителя человек пытается достичь свободы, исходя только из категорий рассудка, что неизбежно приводит к антиномии разума, поскольку свобода еще не основывается на безусловности морального закона, а воспринимается только как негативное понятие в противоположность довлеющей необходимости природной закономерности («механизм природы») [10, с. 180]. В немецком неокантианстве, особенно в Марбургской школе, регулятивные основания разума заменяются на конститутивные начала, то есть отсутствует регулятивная функция познавательных способностей, а весь процесс познания воспринимается как целостность, без противоречий между априорным созерцанием, категориями рассудка и антиномиями разума. В русском неокантианстве вопрос об отрицании регулятивных функций познавательных способностей ставится иначе. Если признавать неизбежность морального закона и его примат по отношению к любой теоретизации знания, то категории рассудка должны сохранять свою регулятивную функцию. В немецком неокантианстве пересмотр архитектоники И. Канта и низведение трансцендентного до уровня возможной рефлексии, в том числе и элиминация «вещи в себе», видоизменяют всю систему критического идеализма. Русские неокантианцы, например, Б. А. Фохт, принимают систему рассуждений немецких коллег и во многом перенимают их методологию, но сохраняют за моральным законом регулятивную функцию и оставляют категориальность познавательных способностей [15]. С. И. Гессен использует идеи представителей Баденской школы, но дополняет их своеобразной интерпретацией примата практической философии, что сближает его с марбуржцами. В педагогической модели свобода определяется в согласованности с принципом долженствования И. Канта, а моральный закон имеет безусловный приоритет перед любой иной формой законосообразности. Культурные ценности выстраиваются на возможности обладания свободой, конституируемой на принципах разума и регулируемой свободной волей личности. Нравственность же является категорией, определяющей уровень осознания человеком своей свободы в соответствии с принципом долга и единственной положительной формой принуждения – самодисциплиной. Свободные действия в «подлинном смысле этого слова» в противоположность «произвольным поступкам» характеризуются «устойчивостью, самобытностью по отношению к изменчивым влияниям среды и даже отчасти возможностью предвидения» [7, с. 69]. В итоге в работе «Основы педагогики» свобода понимается в качестве самоцели и обуславливает возможность восприятия человеком всех культурных ценностей. Переходным моментом от произвола к свободе в подлинном смысле слова (то есть автономии личности) становится категория нравственности, которая раскрывается уже в социально-политических воззрениях философа.

В работе «Правовое государство и социализм» С. И. Гессен посвящает отдельную главу определению понятия свободы в социально-правовой прагматике. Если с позиции педагогики свобода проявляется в автономии личности, а в методологии – через принцип долженствования, то в общественной жизни свобода определяется через корреляцию общей и индивидуальной воли. Стоит подчеркнуть, что работа «Правовое государство и социализм» написана после «Основ педагогики». Введение в прикладную философию». Определяя дефиницию свободы в общественной жизни, философ нередко делает отсылки к предшествующей работе, в частности при разграничении чистой критики свободы и ее проявлений в конкретных историко-культурных формах [6, с. 83]. Наличие свободы в общественной жизни или в культуре обуславливается присущей человеку волей, которая может быть или общей и пассивной, или индивидуальной и активной. Общая воля формируется в результате коллективного действия, которое не всегда объединяется общим мотивом. Например, любой внешний фактор

может имплицитно спровоцировать оформление общей воли, которая не несет в себе законности, то есть не основывается на моральных принципах и отражается в свободе действий как произволе.

Понятие свободы раскрывается С. И. Гессенным и в традиционном для русской философии ракурсе рассмотрения – в качестве способа преодоления дихотомии «добро – зло» в жизни человека. В ранней статье «Философия наказания» происходит постановка проблемы, затем ее раскрытие обнаруживается уже в работах «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» и «Трагедия зла (философский смысл образа Ставрогина)» [6]. Свобода, определяемая на принципах разума (следование моральному закону и стремление к самодисциплине и самообразованию), позволяет преодолеть дихотомию с помощью устранения самой причины зла – человеческого невежества. Здесь же проявляется категория нравственности. Если человек способен устроить собственное мышление и поведение в законодательных формах разума, то он будет способен и продуцировать свою свободную волю в пределах собственной общественной жизни. Таким образом, нравственным человеком считается только тот, кто с одной стороны свободен от всякой формы принуждения, кроме самодисциплины, с другой – нравственность предполагает распространение своей свободной воли за пределы индивидуальности, иначе человек становится не нравственным, а эгоистичным по отношению к другим. Подобная позиция имеет общие следствия с идеями А. В. Вейдемана, обозначившего необходимость достижения критического мышления для построения не только собственного бытия, но и окружающей действительности [2].

Проблема добра и зла становится одним из оснований, объединяющим исследовательские интенции С. И. Гессена и А. В. Вейдемана. В свою очередь постановка вопроса о критериях творчества с позиции критической рефлексии прослеживается не только в педагогических работах С. И. Гессена, но и в воззрениях Б. А. Фохта и В. Э. Сеземана. Возможность свободы в индивидуальной и социальной жизни – это безусловный тезис неокантианства. Более того, свободой обладают многие, но не подлинной, а находясь в состоянии произвола. Для немецкого неокантианства подлинная свобода может быть построена только на принципах разума, а русские неокантианцы добавляют еще и категорию нравственности в индивидуальном и общественном отношении.

Свобода и необходимость в философии А. В. Вейдемана

В работе «Оправдание зла (дополнительные проблемы трагедии)» А. В. Вейдеман уделяет внимание проблеме соотношения добра и зла через раскрытие категорий справедливого и несправедливого. Явный религиозно-философский контекст работы не унижает первостепенности критического анализа и неокантианской направленности основных положений. Как и С. И. Гессен, А. В. Вейдеман принимает безусловность морального закона и примат практического разума И. Канта. Кроме того, обнаруживается и сходство в применении диалектического метода при раскрытии категорий, в особенности корреляции справедливого и несправедливого. В итоге образуется сложный синтез методов рассмотрения (критического анализа, трансцендентального метода и диалектического подхода) и традиций философского дискурса (критического идеализма и религиозной философии).

Непреложным основанием выступают постулаты практического разума, в том числе и определение человека всегда только как цели самой по себе, но никогда как средства. Неправильность понимания ценности человеческой жизни приводит к появлению несправедливости, которая выражается в двух отношениях: принятии произвола за свободу и использовании человека как средства или даже вещи [3, с. 196]. А. В. Вейдеман определяет свободу не в негативных коннотациях, а в положительном значении в аналогии с кантовской философией. Она мыслится как положительное состояние, пассивно регулирующее и активно предписывающее со стороны других проявлений жизни человека определенные акты [3]. Обозначенный тезис приводится в контексте разграничения «старого» и «нового» либерализма, что было актуальным для русского зарубежья и ряда мыслителей, «оставшихся» в начале XX века в России. Подобная тематика находит свое развитие в исследованиях подавляющего большинства всех русских неокантианцев, пытающихся применить постулаты критической философии к стремительно изменяющейся социальной действительности. Например, С. И. Гессен выступал с объективной критикой любого либерализма, так как искажалась ключевая функция государства – обеспечение свободы самореализации личности. Ф. А. Степун более радикально выступал против положений социализма и попытки капитализма подменить свободу личности понятием свободы конкуренции (проблематика «установления в условиях общества нравственных основ жизни» [4, с. 17]). А. С. Лаппо-Данилевский, воздерживаясь от резких политических заявлений, обозначал истоком социальной несправедливости несовершенство правовой системы, где не учитывается понимание особенностей социальной жизни [12]. Еще ранее П. И. Новгородцев обозначил противоречия между осознанием «чувства собственного достоинства» и существующими нормами правосознания [13, с. 324]. Объединяющим мотивом становится признание неотъемлемости свободы от принципов разума, посредством которого происходит осознание безусловности долга перед самим собой и другими.

В философии А. В. Вейдемана свобода представляется как способ существования человека, разум же направляет наши стремления и выделяет человека из окружающей действительности, придавая уникальность каждой личности. Раскрывая пропозицию субъект-объект в системе И. Канта и в интерпретации И. Г. Фихте, А. В. Вейдеман подчеркивает необходимость принципов разума для личности, единственно способного подавлять «в человеке звериную дикость» [3, с. 30]. Именно последнее служит источником зла, но только в том случае, если природная дикость и произвол не осознаются. После рационального признания

собственной природы человек становится способным воспринимать ценности и отличать нравственность от безнравственного. Свобода же достигается после признания не только наличия «природного начала», но и благодаря существованию воли, открывающей безусловность категорического императива. Воля дана каждому человеку, однако обладание свободной волей становится возможным исключительно посредством разума. Далее А. В. Вейдеман в своих построениях переходит к рефлексии значения Абсолюта для жизни человека. Поскольку жизнь личности, осознающей себя свободной, должна быть к чему-то устремлена, то конечной целью обозначается Абсолют, определяемый не в гегельянском смысле, а как совокупность высших идеалов культуры и нравственности [Там же, с. 32]. Однако подчеркнем, что философия Г. В. Ф. Гегеля становится одной из преобладающих в рассуждениях А. В. Вейдемана о корреляции мышления и бытия. В то же время, основой методологии становится трансцендентальный метод немецкого неокантианства, дополненный своеобразным прочтением И. Г. Фихте. Данное уточнение является важным, поскольку раскрывает специфику определения взаимосвязанности свободы и необходимости в синтезе, выражающемся в «абсолютном начале». Человеку всегда присуща свобода, но она есть только произвол или дикость (в кантовском понимании), однако только после осознания безусловности постулатов практического разума свобода становится подлинной. Данная свобода в собственном смысле слова и есть синтез свободы, первоначально присущей человеку в форме произвола, и необходимости, выражающейся в предписаниях разума. А. В. Вейдеман формулирует данный синтез следующим образом: «...свобода и необходимость для нас не исключают друг друга, но наоборот взаимно требуют одна – другую; так понимаем мы свободу как таковую – без произвола, и необходимость – без принуждения» [Там же, с. 49]. В итоге, А. В. Вейдеман приходит к неразрывности свободы и разума в целостной личности. С. И. Гессен настаивает на тех же основаниях, но делает акцент на понятии автономии личности. Другим объединяющим моментом становится постулирование изначальной присущности воли и неприемлемость любого вида принуждения кроме самодисциплины, то есть границ разума в собственном поведении и мышлении.

В настоящее время раскрываются новые взаимосвязи между немецкой и русской философской мыслью, в частности в статьях Н. А. Дмитриевой выявляется особенность русской неокантианской мысли по отношению к истокам трансцендентального идеализма в Германии [17]. Другим актуальным моментом является рассмотрение отечественных философских систем как попытки нахождения альтернативы фихтеанскому способу преодоления кантовского априоризма «вещи в себе», что нашло отражение в трудах В. Н. Белова [16]. Также отметим, что если наследие С. И. Гессена получило высокую степень апробации, то труды А. В. Вейдемана только начинают изучаться в отечественной философии и историографии. В данном контексте стоит отметить публикации С. Н. Ковальчук и К. В. Артем-Александрова, где раскрываются не только биографические данные, а также малоизученные или неизвестные работы философа [1; 11].

Заключение

В заключение статьи отметим, что постановка проблематики определения свободы в русском неокантианстве восходит к наследию И. Канта, но дополняется уже разработанной методологической базой в традиции немецкого неокантианства. Однако в дальнейшем развитии вопроса о способах достижения свободы и ее отношении к наличию свободы воли преобладает специфика авторской интерпретации архитектоники И. Канта.

В философии С. И. Гессена понятие свободы раскрывается в трех контекстах: 1) в гносеологическом, поскольку свобода является условием свободы научного творчества; 2) в теории образования и воспитания, так как свобода представляется причиной самодисциплины и последующей автономии личности; 3) в контексте соотношения индивидуальной и общественной жизни – свобода коррелирует с понятием общей и определяется как безусловное основание нравственности человеческого существования.

Категория нравственности выводится С. И. Гессенным из признания свободы на принципах разума как единственной приемлемой формы. Если человек в индивидуальной жизни не подчиняется принципам разума, то свобода становится произволом, а достижение автономии личности, что является условием продуктивной, созидательной творческой и научной деятельности, становится невозможным.

А. В. Вейдеман рассматривает понятие свободы в призме корреляции добра и зла, но иначе, чем С. И. Гессен, поскольку добавляет методологический инструментарий диалектического подхода и фокусируется на проблематике Абсолюта. Тем не менее, А. В. Вейдеман вполне отчетливо находится в рамках неокантианской традиции, так как ключевой характеристикой подлинной свободы становятся основоположения разума и противоположность произволу. Отметим, что философ существенно расширяет границы применимости трансцендентального метода посредством использования диалектического подхода, постулируя свободу и волю как принципиально внеэмпирические предметы исследования. Перспективой для дальнейшего исследования может стать проблематика специфики определения категории нравственности (которая соотносится с вопросом о достижении свободы на принципах разума) в исследованиях русских неокантианцев по отношению к немецкому неокантианству и сложившейся русской религиозной традиции.

Список источников

1. Артем-Александров К. В. Александр Вейдеман - его имени нет в справочниках по русской философии // Вестник РХГА. 2019. № 1. С. 148-158.
2. Вейдеман А. В. Мышление и бытие (логика достаточного основания). Рига: Саламандра, 1927. 335 с.

3. Вейдеман А. В. Оправдание зла (дополнительные проблемы трагики). Рига: Логос, 1939. 221 с.
4. Владимиров П. А. Идеалы духовного и культурного в социальной антропологии Ф. А. Степуна // Молодежь в изменяющемся мире: мировоззренческие векторы и стратегии: материалы конференции. Саратов, 2020. С. 15-19.
5. Владимиров П. А. К истокам формирования русского неокантианства: методологические основания философии А. И. Введенского // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2020. № 2 (24). С. 219-227.
6. Гессен С. И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 960 с.
7. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
8. Гессен С. И. Свобода и дисциплина. Петроград: Издатель Н. П. Карбасников, 1917. 32 с.
9. Гессен С. И. Философия наказания // Логос. М.: Мусaget, 1913. Кн. 2. С. 183-232.
10. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. М.: Э, 2018. 464 с.
11. Ковальчук С. Н. Александр Вейдеман - философ из Петербурга: непарадная биография на основе архивных источников // Вестник СПбГУ. 2016. № 1. С. 31-41.
12. Малинов А. В. Социологическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 336 с.
13. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 448 с.
14. Сапов В. В. Библиография трудов С. И. Гессена // Сергей Иосифович Гессен. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 398-418.
15. Фохт Б. А. Избранное (из философского наследия). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.
16. Belov V. N. Hermann Cohen in the history of Russian neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. Vol. 54. P. 395-407.
17. Dmitrieva N. A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The particularities and issues of Russian neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. Vol. 54. P. 378-394.

Информация об авторах | Author information

Гущин Ян Денисович¹

¹ Саратовский национальный государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Gushchin Yan Denisovich¹

¹ Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

¹ philosophical_faculty_110@yahoo.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): русское неокантианство; свобода; нравственность; С. И. Гессен; А. В. Вейдеман; Russian neo-Kantianism; freedom; morality; S. I. Hessen; A. V. Veideman.